

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.01

Правильная ссылка на статью:

Рождественская Е. Ю., Семенова В. В. Качественная методология как ресурс социального прогнозирования: возможности и ограничения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 1—11. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.01.

For citation:

Rozhdestvenskaya E. Yu., Semenova V. V. Qualitative methodology as a tool for social forecasting: opportunities and limitations. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 3. P. 1—11. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.01.

Е. Ю. Рождественская, В. В. Семенова КАЧЕСТВЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

КАЧЕСТВЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ КАК РЕ-
СУРС СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВА-
НИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

QUALITATIVE METHODOLOGY AS A TOOL
FOR SOCIAL FORECASTING: OPPORTU-
NITIES AND LIMITATIONS

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук, профессор кафедры методологии и методов социологических исследований Государственного академического университета гуманитарных наук, Москва, Россия.
E-MAIL: rigasvaverite@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6874-2404

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA^{1,2,3} — Dr. Sci (Sociol.), Professor; leading researcher
E-MAIL: rigasvaverite@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6874-2404

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, заведующая сектором изучения социальных изменений Института социологии Российской академии наук, профессор кафедры методологии и методов социологических исследований Государственного академического

Victoria V. SEMENOVA^{2,3} — Dr. Sci (Sociol.), Head; Professor
E-MAIL: victoria-sem@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0887-5106

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³ State Academic University for Humanities, Moscow, Russia

университета гуманитарных наук, Москва, Россия.

E-MAIL: victoria-sem@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0887-5106

Аннотация. Публикация носит научно-информационный характер и отражает дискуссионные позиции ведущих исследователей в области качественной методологии относительно возможностей данного направления для социального прогнозирования. В частности, обсуждаются ее познавательные возможности в практике социологических исследований; роль экспертного знания как основного источника прогнозной информации; области социального прогнозирования, доступные для анализа; возможности семантического анализа понятия «будущее»; аналитические схемы прогнозирования, а также роль и позиция социолога-качественника в подобном исследовании.

Ключевые слова: социальное прогнозирование, экспертное знание, качественные исследования, методология исследования

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках гранта РФФ № 14-28-00217-П.

Abstract. The publication is for scientific and informational purposes and reflects the positions of the leading researchers regarding qualitative methods and opportunities to use this methodology in social forecasting. In particular, the paper considers its cognitive capacity in social research practice, the role of expert knowledge as a major source of forecasting information, the areas of social forecasting available for the analysis, the opportunities of semantic analysis of the notion «future», analytical schemes of forecasting as well as the role and the position of a sociologist using qualitative approach in research.

Keywords: social forecasting, expert knowledge, qualitative studies, research methodology

Acknowledgment. The publication is supported by the Russian Science Foundation (grant project no. 14-28-00217-П).

**ПО ИТОГАМ РАБОТЫ СЕКЦИИ НА VII СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУШИНСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «НАВСТРЕЧУ БУДУЩЕМУ. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ
В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ»
Москва, 15—16 марта 2017 г.**

В рамках конференции была организована панельная дискуссия «Качественная методология как ресурс социального прогнозирования: возможности и ограничения» Программный руководитель — В. В. Семенова, модераторы: В. В. Семенова, Е. Ю. Рождественская.

Атмосфера планируемой дискуссии на конференции всегда не предсказуема: как бы не планировали ее участники и организаторы, многое зависит от событий-

ной рамки — кто придет, каким получится первичный посыл, будут ли подготовлены и активны участники, насколько ход размышлений затронет присутствующих и будет развит в ходе дискуссии. Так случилось на нашей панельной дискуссии «Качественная методология как ресурс социального прогнозирования: возможности и ограничения», которая предполагалась как методологическая и исходила из задачи дать социологам-практикам представление о спектре эпистемологических проблем, возникающих при использовании качественной стратегии в прогнозно-ориентированных проектах.

Изначально предполагалось, что дискуссия будет выстроена вокруг четырех методико-методологических вопросов:

- Общественный запрос на прогностические модели поведения отдельных групп: чем могут ответить социологи-качественники;
- Прогностический потенциал качественной методологии: в чем ограничения и преимущества отдельных стратегий (кейс-стади, биографический подход, микс-методы, фокус-группы);
- Формы презентации качественных данных и запросы заказчика: «болевы точки» и успешные решения;
- Возможности компьютерных технологий в процессе выстраивания сравнительных данных и поиске прогностических моделей.

Между тем, в ходе обсуждения выявились несколько иные реперные точки, связанные с данным направлением, которые были показаны спикерами и вызвали отклик у аудитории. Активный интерес участников конференции к заявленной теме (на дискуссионной панели присутствовало около 80 человек) свидетельствует, что на практике имеется запрос на подобную проблематику, но существует дефицит информации.

Если свести к общему результаты дискуссии, то можно отметить, что это был скорее не поиск ответов, а поиск наиболее проблемных вопросов, связанных с применением качественных методов. И это неслучайно, поскольку в целом, если говорить о временной перспективе качественной методологии, то она традиционно рассматривается в ином ракурсе, на временном континууме от прошлого к настоящему: т. е. каково влияние прошлого (субъективного опыта) социальных субъектов на их модели поведения, позиции и идентичности в настоящем. В данном же случае, если говорить о прогнозно-ориентированном исследовании, временной дискурс исследователя смещается на «будущее» и исследовательский вопрос ставится по-иному: каковы будут (или могут быть) динамические тренды или типологические модели поведения, исходя из характеристик объекта, уже проявившихся в «настоящем», в данном социальном контексте; каковы перспективные ориентации на возможные риски «будущего», исходя из персонифицированного прошлого опыта респондентов. Зарождается новая временная протяженность: опыт — ожидания — проектирование, хотя в качественной парадигме она и ослаблена понятием «биографическая неопределенность».

В таком ракурсе в качественной методологии вопрос ставится достаточно редко, и закономерно поэтому, что нашим спикерам, да и аудитории в целом, над этим ракурсом, предложенным организаторами конференции, пришлось задуматься впервые. Тем более любопытно, что в ходе интенсивного обсуждения возникли

неожиданные повороты и ракурсы, которые предварительно и не предполагались модераторами, возникла своего рода исследовательская абдукция.

Первичный аспект обсуждения носил наиболее широкий методологический характер относительно прогноза в целом: возможно ли строго научное прогнозирование в области социальных наук? И, тем более, на базе локальной, субъективно-ориентированной информации в качественной парадигме. По ответам на этот ключевой вопрос обсуждения спикеры разделились на оптимистов и пессимистов.

Парадоксально провокативно прозвучал один из тезисов Ильи Штейнберга: «Наш подход к ограничениям прогноза в области социальных наук несет в себе еще одно ограничение: это ограничение в наших мозгах, убеждение, что мы не можем делать прогнозы. То есть мы уже заранее как бы отказываемся от того, что мы можем дать надежную достоверную информацию, на которую можно опираться».

Отвечая на этот же посыл с другой позиции, профессор Анна Готтлиб обосновала его теоретически. Она предположила, что возможности адекватного и точного прогноза в области социальных наук как достоверного научного знания, своего рода «знания-зеркала», ограничены вследствие того, что социологи опираются прежде всего на вербальные данные, которые свидетельствуют только о намерениях людей относительно собственного прогнозного поведения (по типу «будете ли вы голосовать за...»). Кроме того, утверждала А. Готтлиб, в массовых опросах социологи обращаются обычно к чисто рациональной сфере, к «рациональному обоснованию своего поведения», нивелируя иррациональную или эмотивную. Тогда-то мы и можем наблюдать феномен массовой неискренности, когда человек говорит совершенно не то, что думает, а мы на основании этих данных строим свои прогнозы. Еще сложнее дело обстоит с качественными исследованиями, которые фиксируют скорее «интерсубъективную реальность, выраженную в смыслах», чем собственно реальность. Здесь мы имеем дело с конструктами, люди, которых опрашиваем, наделяют определенными смыслами события, которые вокруг них происходят, таким образом, мы схватываем реальность, но недостоверную, мы схватываем ее как «общее» знание, которое разделяется многими опрошенными людьми. У нас нет возможности переноса результатов на уровень генеральных совокупностей. Строго говоря, можем сделать вывод только относительно той совокупности, которую опрашиваем.

По мнению спикера, лучшим эмпирическим выходом из подобной ситуации была бы своего рода последовательная исследовательская стратегия: сначала — качественное исследование, а потом «классическое», количественное, выполненное в том же исследовательском фокусе. Первый этап, как более глубокий, «позволяет понять смыслы, которые, если стоять на позиции феноменологии, вообще-то и есть социальная жизнь, где происходит обмен смыслами». А впоследствии, на уровне количественного изучения, мы можем количественно отразить меру распространенности этих смыслов, и, исходя из этого, уже прогнозировать реальное поведение. Тогда эта картина будет более глубокой, чем если просто спросить: «за кого бы вы хотели голосовать?» Потому что в этом случае мы опираемся на знание о смыслах и можем более обоснованно предполагать, каким будет поведение в перспективе. Отвечая на вопросы от аудитории, А. Готтлиб предложила такую схему совмещения качественно-количественных подходов в прогнозных

проектах: сами методы внутри каждой стратегии свои: у качественной — глубинные интервью, нарративные интервью, фокус-группа и т. д. А когда мы получили какие-то смыслы, их просто можно формализовать, перевести на нормальный, удобопонятный респонденту язык и формулировать для анкеты или полуформализованного интервью, переводя ответы в обыкновенную номинальную шкалу. Так выясняется представленность данных смыслов у разных групп.

Этому методологическому подходу оппонировала Елена Рождественская, которая утверждала, что у качественной методологии есть собственный потенциал прогнозирования. Апеллируя к позиции Фрица Шютце и его методической схеме, она напонила об используемом им понятии «потенциала жизненной кривой» [Schütze, 1983]. Когда исследователь работает с биографическими данными, есть возможность определить отдельные социальные позиции респондента как «точки», которые он занимает в определенном пространстве/времени, а затем, путем соединения этих точек в некую кривую (хотя, разумеется, это только исключительная абстракция, идеальный тип) можно их представить уже как линейные структуры, кривые жизненного пути, которые обладают специфической конфигурацией (например, стагнирующие или нисходящие кривые). Эти жизненные кривые — суть потенциалы. Такие конфигурации, в свою очередь, могут аккумулироваться в некую прогностическую характеристику данного индивида. На этом основании мы можем понять, например, имеют ли респонденты шансы подняться с социального дна. Мы можем работать с подобными конструкциями по аналогии с методикой Фрица Шютце. При этом внешний исследовательский банк информации и внутренний профессиональный опыт помогают социологу верифицировать данные прогнозные модели.

Описание и построение таких «ожидаемых моделей поведения» в определенных социальных обстоятельствах, возможно, и является тем полем, на котором может и должна сказать свое слово качественная методология. Обычно исследователь-качественник работает в тактике выработки типологий идентичности, здесь же можно скорее говорить, по словам [Zinn, 2010], о «поведенческом биографическом исследовании»: скорее, это ориентация на разработку логики типологий или моделей поведения при изучении специфического проблемного поля. При этом нас интересует, каковы возможные «ответы» индивидов на проблемную ситуацию и каково общее поле подобных ответов.

Вместе с тем, заметила Е. Рождественская, хотя у нас и есть некие исследовательские инструменты, подобные методике Шютца, но в чистом классическом прогнозе, прогнозе как экстраполяции социологу-качественнику отказано.

Илья Штейберг подошел к вопросу сочетания количественного и качественного подходов и возможностях последнего с позиции практика: обычно качественный подход используется либо как разведка перед боем, либо как бы объяснение того, почему мы верно определили перспективу или же почему потерпели поражение в прогнозе. В принципе при такой стратегии речь идет о том, что качественное исследование воспринимается как некий вспомогательный инструмент, который нужен для того, чтобы дополнить картину. Как правило, трудно представить, что можно на основании качественного опроса экспертов или только количественных или вторичных данных в отрыве друг от друга сделать какой-то прогноз, всегда они

сочетаются. При этом в эмпирическом поле перед «инструментальщиком», который решает, какие инструменты использовать, данный вопрос предстает в достаточно банальной формулировке: а для чего нужен тот или иной инструмент, что он действительно может дать для информации, которую ждет заказчик и на основе которой он должен принять то или иное решение?

Как отметил И. Штейнберг, у социологов появляется много заказов, где очень сложно опираться на количественные данные, на цифры, потому что их либо нет, либо их мало, либо они недостоверны, либо, наоборот, их слишком много и исследователь не знает, что с ними делать. В таких ситуациях возрастает значимость так называемой интуитивной экспертизы и особых экспертов, которых коллеги метафорически называют «сталкерами» — кроме обычных экспертных знаний они обладают еще и уникальной способностью видения и оценки ситуации в «зеркале перспективы». Штейнберг изложил свою теорию «трехфазного движка», в которой он работает с экспертами при построении прогнозной модели развития определенного социального организма с учетом влияния различных факторов: от построения теоретической модели объекта к построению прогнозных сценариев и дальше — к проверке модели на фальсификацию и выявлению роли отдельных факторов.

Качественной методологии свойственна работа со смыслами и их семантическим отображением в языковых формах, поэтому именно для этого поля интересной эвристической задачей может стать изучение социологических смыслов понятия «будущее» и его восприятия в качестве такого в массовых аудиториях. Продуктивным может представляться обсуждение «территории», пространства «будущего» в массовом сознании и в ментальности исследователя: чем характеризуется в социологическом смысле понятие «будущего»; через какие критерии и в каких терминах его определять, если первично оно предстает перед нами в размытой формуле «как то, чего нет». Изучая «прошлое», мы чувствуем себя более или менее уверенно: в представлениях о нем мы опираемся на разнообразные источники информации: документы, личные воспоминания, общую историческую эрудицию и историческое знание. Разделяемые большинством обыденные представления о событиях прошлого — это точка опоры для рассмотрения, территория «знаемого». С «настоящим» тоже более или менее ясно, и здесь мы как социологи тоже чувствуем себя не экспертами, а как бы экспертами. Но как социологически работать с конструктом «воображаемого», «непредсказуемого», «предстоящего»? Как убедить аудиторию, что именно ЭТО — будущее? Какие источники и риторические аргументы можно использовать для этого? По-видимому, в ходе проведения исследования здесь необходим определенный порядок аргументации.

Естественно, что точкой отсчета в представлениях о «будущем», о прогнозном состоянии объекта служит существующий порядок вещей, наличное состояние объекта. Тогда, считают исследователи [Brown, Michael, 2003], общей методологической стратегией неизбежно становится стратегия сравнительной перспективы на основе контраста, «иного», отличного от «настоящего»: «это то, чего пока в реальности нет». В качественной стратегии речь идет, конечно, не об общих предполагаемых формах будущего как «иного» мира, но о конкретной локальной ситуации, например, о характере среды на определенном рабочем месте или в организации.

В связи с этим ракурсом рассмотрения «будущего» как смыслообразующего конструкта, требующего своей презентации и аргументации в качестве «ожидаемой реальности», Виктория Семенова привела результаты небольшого дискурс-исследования американского исследователя [Jensen, 2007]. На примере небольшой фирмы по аренде недвижимости изучались тактики публичной презентации феномена «будущего». В качестве конкретной основы для изучения представления о «перспективной модели» использовалась кампания по рекламе новой модели офисного рабочего места, которая позиционировалась в прессе как новая, как модель будущего. «Будущее» в данном исследовании стало объектом семантического рассмотрения как «ресурс с определенной риторикой и стратегией аргументации его в качестве «перспективной модели»». Непосредственно изучались способы презентации этой модели в качестве «желаемого будущего» в аудиториях массовых СМИ. В результате наиболее эффективными формами удачного убеждения публики в том, что именно ЭТО является «моделью будущего», были признаны: риторические конструкты, выстроенные по принципу «контраста с настоящим» («это будет совсем не так, как сейчас»), а также активные способы «материализации» данной модели, их демонстрация через отдельные примеры реализации — способы демонстрации модели в качестве «ожидаемой реальности» («такое уже существует где-то, вы это можете увидеть своими глазами»).

Возвращаясь к качественной методологии: таким образом, прогнозное моделирование как разнообразные «модели будущего» — это перспективное поле для качественной методологии, оно может стать важным ресурсом в прогнозных исследованиях.

С этой точки зрения выступающие рассуждали о необходимости различения нескольких видов прогноза, таких как: 1) изменения в состоянии самого объекта; 2) изменения в состоянии объекта в ситуации «иного» социального контекста; 3) прогнозирование моделей поведения; 4) прогнозирование «критических точек» в развитии объекта (О. Оберемко). Основное различие, по мнению выступающих, состоит в различии подходов к будущему: прогнозы — это не взгляд в будущее, а анализ ситуации и субъектов с позиции будущего. Для социолога-качественника это означает понимание будущего как определенного жизненного плана субъектов, при котором будущее включает в себя также и мобилизационный компонент, который его приближает, т. е. предполагает наличие уже в настоящем определенных ресурсов, направленной деятельности субъектов, а также учет всевозможных социальных неопределенностей и рисков. Отнюдь не любое субъективно желаемое будущее может стать основой для прогнозирования, если оно выражено только как абстрактное пожелание без его обоснования имеющимися ресурсами и деятельностной активностью.

Выступавшие много внимания уделили проблеме экспертного знания как источника информации в прогнозно-ориентированном качественном исследовании и отбору экспертов. Как отметил Илья Штейнберг, «я думаю, вы замечали, когда речь идет о деньгах, люди становятся серьезными и спрашивают, почему в выборке столько экспертов. Может ли быть больше или меньше, и что тогда будет. Они требуют разного обоснования. Поэтому обоснование надо находить. Соответственно для этого обоснования нужны так называемые логические схемы,

чтобы заказчик тоже понимал некую логику твоего исследования, присоединился к этой логике, или наоборот — опроверг». Но дело не только в количестве необходимых для прогноза экспертов, дело в их качестве именно как экспертов, когда, как говорили выступающие, происходит слияние рационального и интуитивного в экспертном знании (О. Оберемко). Как найти эксперта, который мог бы стать источником экспертного знания о будущем? По мнению И. Штейнберга, «Мы не знаем. Никто не знает. Мы идем репутационным путем: очень много ложных поворотов, иногда ошибаемся. Понять трудно. Эксперты по будущему очень странные. Странно выглядят, странно говорят, их очень сложно найти. Но когда ты их находишь, он тебе такие вещи говорят, что разрушает твою модель, сдвиг в познании ситуации происходит».

К дискуссии о качестве экспертного знания присоединилась Е. Рождественская: «Это может быть сочетание экспертной позиции и дискурсивного следа. Сегодня у каждого есть масса онлайн-следов, которые мы оставляем в сетях, на различных форумах и прочих онлайн-платформах. Разве сложно найти их по этим следам? Тем более что пресловутый сталкер, в терминологии Штейнберга, продуцирующий яркую дискурсивную позицию, отличающую его от других, вызовет волну откликов, группирующихся вокруг этой персоны. Сеть отсылок и цитирований и создает дискурсивный след. Это первое, что нужно сказать. Далее, это сюжет предрасположенности к прогнозу как характеристика важного/нужного эксперта. Кто на это способен? Ведь, сталкиваясь с этим вопросом в наших исследованиях (количественных и качественных), мы прежде всего понимаем, что далеко не все респонденты способны на прогнозы, если иметь в виду не только категорию сугубых экспертов, квалификация и задачи которых — эти прогнозы производить. Если мы говорим вообще о такой категории, как *ordinary people*, то известное исследование ФОМа по биографиям и качеству организации жизненного пути, которое было построено на репрезентативной выборке, свидетельствует, что приблизительно только половина респондентов вообще способна что бы то ни было планировать и, соответственно, видеть/структурировать какое-то будущее, которое они хотят, а другие, также около половины, принципиально этого не хотят. И у них есть на это основания — масса установок, религиозных и всяких прочих, категории судьбы, рока, обстоятельств, многим людям ведомые. И поэтому к таким, естественно, мы и не обратимся. Соответственно задача — отфильтровать, найти тех, кто в принципе ориентирован на будущее».

«Но есть и другие эксперты по будущему, — продолжает Е. Рождественская. — Исследование, осуществленное в прошлом году, которое было весьма непростым — это изучение таких супер-экспертов, которые могут осуществить экспертизу над экспертизой. Такая экспертиза с очевидностью вырастает вследствие высокого положения в институциональной иерархии, а также широкого доступа к потокам информации в совокупности с полученным профессиональным опытом. Это был сюжет будущего России, пул опрошенных составил около 50 человек. Это представители институциональной элиты, которые, безусловно, обладают компетенциями и пониманием реальности, и в этом смысле могут быть далеко не всегда главными производителями мнений, но в любом случае — это квалифицированное меньшинство, к которому мы вовсе не можем применять количественные мето-

дологии. Если макроанализ перспектив займется экстраполяцией отобранных трендов или сценарными техниками, систематически формализующими набор индикаторов, описывающих будущее, то качественный анализ, безусловно, займется формами нарративных сценариев будущего. Культурная форма нарративного сценария по своей внутренней логике подталкивает к проговариванию обстоятельств, событий, акторов и последствий.

Олег Оберемко высказал несколько иное мнение относительно роли экспертов в прогнозном исследовании. Он считает, что непосредственно от экспертов мы можем получить только первичную информацию об объекте. Но если исследователя интересует именно состояние объекта, аналитическая схема изменения его состояния в будущем, то это могут сделать только аналитики уже на основании информации, полученной от экспертов. Наша задача дать экспертам площадку для высказываний, дать им возможность общаться. С-качественник в своих заключениях должен опираться на теорию, на категориальную сетку, пусть это будет теоретическая схема самого низкого уровня, но она должна отвечать критериям научности и может представить объект через логически проработанную схему его интерпретации, как это делается, например, в *grounded theory*. И тут уже неважно, какое количество экспертов стали основанием для подобных выкладок. То есть в результате прогнозирования, по мнению О. Оберемко, качественникам просто «нужно определиться со структурой некоего прогнозного высказывания» относительно данного ограниченного объекта, или, другими словами, с некоей семантической схемой его перспективного состояния. Первичными условиями разработки подобной схемы служат данные, полученные от экспертов как основного источника информации, а основой — наш концептуальный аппарат осмысления данной ситуации, некий концептуальный каркас, описывающий состояние объекта, конечным же результатом служит сформулированное прогнозное высказывание относительно объекта в заданных границах. Не нужно также забывать об адресате, которому обращен данный прогноз.

Далее разговор относительно качественной стратегии закономерно перетек в проблему обозначения границ объекта, подлежащего прогнозу: насколько ограничение рамок и локализация интерпретационных схем прогноза определяют возможности прогнозирования (О. Оберемко, Е. Рождественская).

В дискуссию вступает еще один спикер — Петер Биндер из Польши с презентацией и рефлексией по результатам своего исследования. Речь идет о специфическом жанре когнитивного интервью, которые автор с коллегами дважды проводил в рамках международного *European Social Survey*. Когнитивные интервью, по сути, качественные интервью, своего рода микс качественного и количественного подхода. Обосновывая продуктивность такого подхода, автор сразу оговорился, что придерживается мнения, что качественные методы, так же как и количественные, не очень помогают предвидеть будущее. Но когнитивные интервью как раз позволяют проводить «правильные» исследования и задавать правильные вопросы в рамках опроса общественного мнения. В подобных интервью мы задаем стандартные вопросы из массовых опросов, а потом обсуждаем с респондентом, как он отвечал на тот или иной вопрос и почему именно так. Если там была шкала, почему вы сделали именно такой выбор? О чем вы думали? Самое главное в дан-

ном случае — это настроить респондента, научить его думать вслух, высказывать свои мысли. Это очень сложно. Таким образом, исследовательская цель — это понять, как на какой-то вопрос отвечают респонденты.

П. Биндер привел в пример беседу о защите природы. Исследователи задали два вопроса: как Вы думаете, насколько большинство людей в мире экономят энергию? способны ли они вообще экономить энергию? Оказывается, участники опроса думали про все: про весь мир, про Европу, про Евросоюз, а не про себя, про свой город. Далее, второй момент, способны ли экономить энергию. И люди начинали рассказывать, ну, да, способны, но, оказывается, они при этом думали про Африку. Итак, важно не просто задавать вопросы, а правильно их формулировать и, к тому же, верно переводить формулировки, если речь о сравнительных международных исследованиях. И второй момент, очень полезно делать большие и маленькие, но международные проекты, когда набор вопросов формируется где-то в другой стране. А потом их надо переводить, находить эквиваленты. И когда социологи делали это в нескольких странах и потом сравнивали материалы, очень интересные вещи получались. То есть они много чего узнали о том, насколько сложно переводить. С другой стороны, делать вопросы лучше — тоже опасно. Мы можем сделать еще больше ошибок. В Германии, например, коллеги также проводили когнитивные интервью, придумывали вопросы, их тестировали, находили в них ошибки. Были вопросы, например, про международные организации и исследователи решили привести несколько примеров подобных организаций: ООН, Европейский союз, еще какие-то. В результате люди не знали, про что думать, и отвечали то про первую, то про последнюю организацию. То есть такая практика имеет свои ограничения и необходимо проводить когнитивные интервью, при которых можно узнать больше про вопросы, которые мы задаем. И второй момент — это помогает сделать международные сравнительные исследования лучше. Потому что мы будем более сознательно задавать вопросы респондентам и лучше будем понимать информацию, которую от них получаем. А это уже основа для того, чтобы думать про будущее.

В заключении модераторы попытались подвести некоторые итоги состоявшейся дискуссии. Во-первых, представляется, что методологическим ответом качественного подхода на вызовы, предложенные изменением временной перспективы и переходом на перспективное видение состояния социальных объектов, может стать широко понимаемая стратегия сравнительных исследований, как в случае контрастного сопоставления настоящее — будущее, так и в случае проблемно-ориентированных интервью, где происходит сопоставление различных логик выстраивания поведения в ситуации рисков. Этот сравнительный исследовательский дискурс может рассматриваться в разных перспективах: как сравнение данных на уровне социумов, локальностей; как альтернативные модели изменения объекта; как контрастные состояния объекта по типу настоящее — будущее; как сравнение объекта в контрастных, например, национальных контекстах.

Для работы секции был предложен формат конференции, сфокусированной на прогнозах. Очевидно, есть некая правда момента, которая заключается в том, что наше ближайшее будущее чревато переменами, на которые поступил запрос со стороны управленческих элит. А мы — как исследователи — отвечаем на это сво-

ими профессиональными усилиями. Поэтому активно дискутировалась на секции наша роль, идентичность, наш инструментарий. Здесь может помочь, прежде всего, наша исследовательская этическая позиция. Мы документируем подробно весь процесс исследования, излагаем всю полноту полученной информации, а отношения с заказчиком, который где-то этажом выше, безусловно, схлопывает многие методологические максимы, поскольку не нуждается в них. Но в этом нуждаемся мы как исследователи.

Список литературы (References)

Brown N., Michael M. (2003) A sociology of expectations: Retrospecting prospects and prospecting retrospects. Technology Analysis & Strategic Management. Vol. 15. No 1. P. 3—18.

Jensen T. (2003) Witnessing the Future. FQS. Vol. 8. No 1. Art. 1 January. P. 17—30.

Schütze F. Biographieforschung und narratives Interview. Neue Praxis. 1983. Jg. 13. No. 3. P. 283—293.

Zinn J. (2010) Biography, Risk and Uncertainty — Is there Common Ground for Biographical Research and Risk Research? FQS. Vol. 11. No 1. Art. 15 — September. P. 1—14.